

ПРОБЛЕМА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ В ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Плетнева Юлия Эдуардовна, младший научный сотрудник Центра социальной демографии ИСПИ ФНИСЦ РАН, e mail: julpletneva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению роли социальных наук в современном мире. С помощью сопоставления различных точек зрения представителей философии науки, показано многообразие каналов преобразования научных знаний в практическое применение. Особое внимание автор уделяет анализу барьеров, которые препятствуют использованию результатов исследований социальных наук в политических решениях.

Ключевые слова: эссе, философия науки, социальные науки.

THE PROBLEM OF TRANSFORMING SOCIAL SCIENCES' RESEARCH RESULTS INTO PRACTICAL APPLICATION

Julia E. Pletneva, Junior Researcher, the Institute of social and political research of the Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences (ISPR RAS), e mail: julpletneva@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is understanding the role of social sciences in the modern world. By comparing the various points of view of representatives of the philosophy of science, the variety of channels for the transformation of scientific knowledge into practical application is shown. The author pays special attention to the analysis of barriers that prevent the transfer of research results in the social sciences to political decision making.

Keywords: essay, philosophy of science, social sciences.

Цитирование: Плетнева Ю.Э. Проблема преобразования результатов исследований в социальных науках в практическое применение // Наука. Культура. Общество. 2019. № 3 4. С. 18 24.

В 1983 году выходит работа французского философа Бруно Латтура «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир», где он уделяет особое внимание положению лабораторий и роли лабораторных исследований в обществе [7]. На примере лабораторных открытий Луи Пастера по микробиологии Латур доказывает, что деятельность лабораторий может привести к значительным

общественным трансформациям. Так, результаты, полученные в передвижной лаборатории Пастера, в дальнейшем смогли изменить отношение людей к гигиене и санитарным нормам, способствовали постройке очистных сооружений и проведению вакцинации сначала во Франции, а затем и во всем мире. Латур выделяет три основных шага в механизме того, как лаборатория

преобразовывает мир. На первом этапе необходимо завоевание внимания других людей к исследованию, которое достигается через осведомленность и озабоченность общества какой-либо проблемой. Второй шаг подразумевает перенос исследовательской проблемы из поля в лабораторию, где на малом масштабе становится доступным изучение того, что на большом масштабе – не представляется возможным. Но именно третий шаг, во время которого осуществляется переход из лаборатории обратно в поле, является ключевым моментом в механизме преобразования мира с помощью лаборатории. Латур утверждает, что без этого шага лаборатория так и не выйдет за пределы своих стен, а исследование останется на уровне «лабораторного любопытства». В примере с Пастером польза вакцинации была очевидна для фермеров, все они, безусловно, были заинтересованы в сохранении скота и увеличении прибыли. В долгосрочной перспективе это было выгодно и для государства за счет увеличения собираемых доходов. Таким образом, пример, приведенный Бруно Латуром в поддержку лабораторных исследований, касается в большей степени естественных наук.

На первых двух этапах, согласно Латуру, исследования в социальных и естественных науках проходят в схожем ключе. Социологи отправляются в поле, где собирают информацию по интересующей их теме. Затем полученные данные переносятся в лабораторию, где происходит анализ. Так же, как и в лаборатории Пастера, при анализе социологических данных, например, путем регрессионного анализа, в качестве предикторов

выбираются только определенные гипотезой факторы, невозможно определить все возможные компоненты, которые оказывают влияние на зависимую переменную. То есть можно утверждать, что в социологической лаборатории данные изолированы от всего контекста. Но в отличие от первых двух шагов, третий шаг сильно отличается у социальных и естественных наук.

Так всегда ли возможен «перенос обратно в поле» результатов исследований в социальных науках?

Отвечая на этот вопрос, можно выделить два важных аспекта: проблему внешней валидности результатов исследования и проблему зависимости общественных исследований от политики и органов государственной власти.

Если целью является обобщение из лаборатории в реальный мир, то необходимо ответить на вопрос о степени соответствия между экспериментальным или имитационным исследованием и реальной системой отсчета. Часто повторяемая критика заключается в том, что так много реальных элементов не представлены и не могут быть представлены «в лаборатории»; что полученные из него данные не могут не дать искаженную картину «реальных» ситуаций, поведения и процессов. Эта критика основывается на двух предположениях: во-первых, что можно дать однозначные описания «реальности», и во-вторых, что можно провести четкую границу между реальной жизнью и лабораторией. Оба предположения являются спорными [8]. Стандарты качества для исследований не могут быть жесткими и не должны применяться таким образом, чтобы игнорировать харак-

теристики конкретного исследовательского проекта.

Если рассматривать то, как результаты лабораторных исследований в социологии могут быть перенесены обратно в реальный мир, то в первую очередь на ум проходит использование полученных знаний в формировании рекомендаций для органов государственной власти. Инструментальный подход, при котором основной функцией знания является решение проблем, характерен для позиции М. Вебера. Его теория бюрократической организации подразумевает то, что организации представляют из себя рациональных акторов, ориентированных на выполнение конкретных задач. Вместе с тем организации понимаются им как система формальных и неформальных правил, предназначенных для контроля над поведением людей. Достижение этого контроля возможно с помощью эффективного управления [10]. Таким образом, организация способна повысить эффективность по выполнению своих функций путем внедрения новых знаний. Вебер полагал, что сумма предпочтений и действий индивидов трансформируется в единое организационное действие. Принятие решений же является результатом суммирования предпочтений индивидов. Хотя не все члены имеют равное влияние на принятие решений, все участники вносят свои знания в этот процесс. То есть, согласно Веберу, политики и управленцы в организациях опираются на знания, поскольку они могут помочь им в определении и реализации целей их организации. Таким образом, знания используются в качестве инструмента, помо-

гающего определять и взвешивать различные варианты принимаемых решений, гарантируя, что эти решения способствуют достижению целей организации.

Так, например, ученые, занимающиеся исследованиями социальной политики, зачастую видят свою роль в том, чтобы предложить корректировки или помощь в разработке новых программ, направленных на решение каких-либо социальных проблем. Однако на практике реальность редко соответствует этой модели трансформации знаний в практическое применение. Существует большая пропасть между рекомендациями исследователей и той политикой, которая реализуется властными структурами на практике, а исследователи, работающие в государственных органах, часто жалуются на то, что они имеют лишь незначительный вклад в принятие решений [1]. Еще с середины 1970-х годов зародился дискурс о сильном расхождении эмпирических выводов, полученных в результате исследований, и реальными действиями, предпринимаемых властью. В то время, как исследования регулярно заказывались и финансировались, они редко оказывали влияние на принятие решений в политических кругах, что шло в разрез с инструменталистской теорией Вебера.

Одним из препятствий в переносе знаний на практику может являться давление со стороны избирателей, в погоне за электоральной поддержкой политики и чиновники часто отдают предпочтение популистским решениям [9]. Еще одно объяснение может заключаться в том, что сами политики не могут эф-

эффективно использовать полученные научные знания. Не всегда у исследователей появляется возможность донести актуальность и потенциал полученных открытий, чтобы доказать необходимость применения их на практике. Эта проблема также касается больших сложностей с получением финансирования со стороны государства на реализацию рекомендаций ученых. Более того, существует несоответствие, при котором проведенное исследование может быть слишком абстрактным и не иметь отношения к текущим и актуальным проблемам в обществе. Холцнер, Кнорр Цетина и Страссер [5] указывали на пропасть между исследованиями и политикой, которая препятствовала передаче знаний. Одним из аспектов этой пропасти было несоответствие между тем, что подразумевали под знаниями ученые, а что – политики: теоретические знания, предлагаемые учеными, не соответствовали прагматичным ожиданиям чиновников.

Другими словами, исследования часто не направлены на то, чтобы найти ответы на практические вопросы, которые политики считают важными. В то же время политики не считают полезным применять обобщающие законы о причинно-следственных связях между социальными явлениями [2, 6].

Работы Мишеля Фуко предлагают контрастную точку зрения на проблему применения знаний. Центральной в его концепции выступает технологическое развитие в восемнадцатом и девятнадцатом веках, направленное на максимизацию производственного потенциала и минимизацию отклонения от установленных норм социального поведения.

Фуко считает, что главной целью государства является благосостояние населения, усовершенствование условий жизни, повышение здоровья и продолжительности жизни людей [4]. Реализация новой формы контроля требует не только новых методов дисциплины и надзора, но и новый тип знаний для направления социального вмешательства. Государству нужна подробная информация о поведенческих моделях населения, а также взаимодействиях между населением, территорией и благосостоянием. Эта новая форма управления, основанная на социальных знаниях, является тем, что Фуко называет «биовласть». В качестве примера он приводит появление политической экономии в восемнадцатом веке. К концу девятнадцатого века социология, демография и психология уже стали важными инструментами для совершенствования общественного контроля. Новые социальные знания сделали возможным современные формы правления. Так, накопление статистической информации о населении способствовало новым формам общественного вмешательства и контроля: реформам системы образования, пенитенциарной системы и системы социального обеспечения. Таким образом, в этом смысле концепция «биовласти» полностью соответствует инструментальной теории использования знания. Социальные исследования используются для повышения производительности административных органов. Это позволяет государству корректировать социальные процессы, находить и применять методы, которые являются более экономически эффективными, чем традиционные формы принудительного контроля.

Однако существует второй аспект в работах Фуко, который предполагает более глубокое понимание того, как государство применяет знания, чем предлагает инструменталистский подход, описанный выше. Основным недостатком инструменталистского подхода выступает то, что его сторонники довольно сильно упрощают представление о том, как отдельные индивиды и организации усваивают новые знания и применяют их в качестве средства улучшения организационной структуры. Идея заключалась в том, что люди впитывают знания через оценку отдельных частей исследовательских открытий и делают выводы о пользе их использования в разработке политики. Подход Фуко отрицает процесс усвоения знания как простой трансфер знания от ученых к представителям власти. Напротив, знание и осуществление власти являются взаимоисключающими. Знание является основой и придает авторитет определенным формам дискурса, которые структурируют отношения власти. Знание производит «эффекты истины», которые в свою очередь воспроизводят силу [3]. Истина, созданная социальным знанием, устанавливает критерии того, что считается истинным, действительным, желательным или осуществимым, тем самым структурируя социальное поведение. Фуко часто затрагивает тему идеологического содержания знания, производимого некоторыми дисциплинами, которые особенно заметны в случае с менее развитыми науками, такими как психология. Здесь отсутствие строгих научных критериев для проверки правдивости оставляет место для манипулирования знани-

ями для достижения каких-либо социальных или политических целей. И все же Фуко не видит знание как простую надстройку, используемую для легитимации заранее заданных интересов. Взаимосвязь между знанием и властью, понимается им, как двустороннее взаимодействие, в котором знания сами по себе представляют интересы. Таким образом, кодификация знания не обязательно является продуманной стратегией легитимации властных отношений, что свело бы роль знаний к обеспечению легитимации. Знание – это не просто инструменты для легитимизации predetermined интересов, но и самостоятельная объяснительная концепция. Данный подход предоставляет более детальную информацию об использовании знаний, согласно которой знания играют постоянную роль в формировании дискурса о подходящих формах общественного вмешательства.

Таким образом, как Вебер, так и Фуко, разделяют идею о том, что организации заинтересованы в реализации определенных рациональных целей. Тем не менее, эти позиции не объясняют, почему при сохраняющемся финансировании социальных наук существует игнорирование практических применений результатов исследований.

В то время как политики стремятся опираться на знания, чтобы подкрепить легитимность своих решений, они проявляют осторожность, полагаясь на науку, как основу для принятия решений. Это может быть связано с неспособностью науки взять на себя ответственность за ущерб, вызванный рискованным решением или ошибкой.

С одной стороны, можно было бы ожидать, что важность знаний в политических дебатах создаст более высокий спрос на исследования. Политики стремятся привлечь экспертные знания, расширить возможности для проведения исследований. Несмотря на то, что заказанные правительством исследования не всегда могут быть столь авторитетным, как независимые исследования, они, тем не менее, могут быть полезным ресурсом в подкреплении политических позиций. Вместе с тем, политики могут побуждать исследователей делать выводы, которые подтверждают выбранный курс действий. Близость исследователей к властным структурам могут также подразумевать больший контроль над результатами исследований, что создает условия для получения результатов, которые будут выгодны для власти.

С другой стороны, скептицизм по поводу научного знания может подорвать доверие к таким исследованиям, особенно в областях общественных наук. Это также может способствовать размыванию уважения к исследованиям в административных организациях, подрыву легитимирующих и инструментальных функций знания.

Исследователю редко удается делать выводы, которые напрямую могут быть направлены на выработку политики. Однако ценность научных знаний не заключается исключительно или даже преимущественно в их вкладе в политику. Так, зачастую те, кто принимает политические решения обладают поверхностной информацией о какой-либо проблеме. В этом случае научные исследования выполняют просветительскую функцию. Представители органов государственной власти воспринимают идеи из разных источников, таких как СМИ, официальные отчеты, встречи с другими людьми, взаимодействие с заинтересованными группами и так далее. Эти идеи затем становятся предметом коммуникации внутри политической организации, формируя внутриорганизационные нарративы по какой-либо проблеме. Тем не менее, конкретные корректировки политики, вероятно, потребуют гораздо более подробных и прикладных данных, в форме оценок текущей практики. Такой анализ направлен скорее на оценку эффективности политики, а не на выявление причинных механизмов, стоящих за этими воздействиями. Это может служить примером того, как знания могут оказывать косвенное влияние на политические процессы.

Библиографический список

1. Boswell C. The political uses of expert knowledge: Immigration policy and social research. – Cambridge University Press, 2009.
2. Clark W. C., Majone G. The critical appraisal of scientific inquiries with policy implications // Science, Technology, & Human Values. – 1985. – Т. 10. – №. 3. – С. 6–19.
3. Foucault M. Power/knowledge: Selected interviews and other writings, 1972–1977. – Pantheon, 1980.
4. Foucault M. The Foucault effect: Studies in governmentality. – University of Chicago Press, 1991.
5. Holzner B., Knorr Cetina K., Strasser H. Realizing social science knowledge: the political realization of social science knowledge and research; toward new scenarios. – 1983.

6. Hummel R. P. Stories managers tell: Why they are as valid as science // *Democracy, Bureaucracy, and the Study of Administration*. – Routledge, 2018. – С. 87–109.
7. Latour B. Give me a laboratory and I will raise the world. – Paris, 2014. – С. 141–70.
8. Vissers G. et al. The validity of laboratory research in social and behavioral science // *Quality and Quantity*. – 2001. – Т. 35. – №. 2. – С. 129–145.
9. Walsh J. I. When do ideas matter? Explaining the successes and failures of Thatcherite ideas // *Comparative Political Studies*. – 2000. – Т. 33. – №. 4. – С. 483–516.
10. Weber M. *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. – Univ of California Press, 1978. – Т. 1.